
Узел Ариадны
Часть первая

Елизавета Богатырева
УЗЕЛ АРИАДНЫ

https://litres.ru/74836098
SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если однажды твои самые страшные кошмары окажутся не просто снами? А существа, скрывающиеся в темноте, — не плодом больного воображения, а частью мира, о существовании которого ты даже не подозревала?

Восемнадцатилетняя Ариадна давно привыкла к бессонным ночам, странным видениям и ощущению, что за ней кто-то наблюдает. Она мечтает лишь об одном — наконец-то начать жить как обычная девушка. Учёба, подруги, первая любовь, семейные вечера...Что может быть проще?

Но одна случайная встреча на рассвете меняет всё. Странные чёрные камни с неизвестными символами, существа из теней и древнее письмо, которого, согласно историкам, никогда не существовало, становятся первыми нитями в загадке, ведущей гораздо дальше привычной реальности.

«Узел Ариадны» — история о тайнах, скрытых за гранью привычного мира, о силе, пробуждающейся вопреки страху, и о девушке, которой только предстоит узнать, кем она является на самом деле.

Елизавета Богатырева
УЗЕЛ АРИАДНЫ

УЗЕЛ АРИАДНЫ

Часть 1

Глава 1

Я проснулась в панике. Сон и явь смешались, сердце бешено колотилось, словно хотело вырваться из груди, а сознание было настолько спутанным, будто кто-то другой управлял моим телом.

В голове билась только одна мысль: «Проснись! Иначе не выберешься! Проснись!»

Я не заметила, как оказалась в ванной. Включила холодную воду и стала обливаться. Она стекала по локтям, капала на ноги, а я снова и снова зачерпывала её ладонями, плеская на шею, лицо и сгибы рук, словно пыталась смыть с себя этот липкий страх.

Стало немного легче, но паника не отступала. Веки тяжелели, глаза сами закрывались — так сильно хотелось уснуть… Но стоило мне сомкнуть ресницы, как из темноты снова надвигались кошмары, будто только этого и ждали. Я ощутимо хлопнула себя ладонью по щеке. Кожу обожгло, но сонный дурман всё равно не отпускал.

Как же это невыносимо.

Я быстрым шагом вышла на балкон, всё ещё чувствуя, что веду себя не я, а кто-то чужой, временно занявший моё место. Начала концентрироваться на простых ощущениях: сначала на ногах — почувствовала, как пальцы утопают в белом пушистом коврике, потом перевела внимание на руки и коснулась шершавой холодной поверхности подоконника, по крупицам возвращая себя в реальность.

Минут через десять меня отпустило. Дыхание выровнялось. Я снова понимала, где нахожусь и что происходит, снова могла управлять собой, а не бороться с ощущением, что мной командует кто-то посторонний.

Такие приступы во сне происходили со мной не впервые. Они возвращались каждый раз, когда я пыталась обходиться без препарата, который прописал врач. Но и с таблетками легче не становилось. Без них было плохо, а с ними — не сказать что хорошо: ходишь весь день как в тумане, а ночи всё равно ждёшь с тревогой.

И каждую ночь я борюсь со своим сознанием, паникой и вязкой темнотой. Во сне меня хватают чьи-то руки, я куда-то падаю, вижу странные лица, непонятных существ, измены и любовь, дружбу и предательства — всё смешивается в один бесконечный кошмар.

Тело уже будто само выучило инструкцию: во время приступа идти к воде, потом на воздух, лишь бы не видеть и не чувствовать этот ужас. Но иногда я думаю: что будет, ес-

ли однажды я перестану себя вытаскивать и просто позволю этому случиться? Что тогда? Вряд ли от такого можно умереть, но рассудка лишиться — вполне.

Я открыла форточку пошире и посмотрела вниз на детскую площадку. В предрассветной тишине она выглядела такой спокойной, что именно этого мне сейчас и не хватало.

Вернувшись в комнату, я надела поверх пижамы с кошкой оливковый кардиган, сунула ноги в кроссовки и спустилась во двор.

Сев на лавочку, провела ладонью по холодному дереву, снова возвращаясь в реальность.

В голове тяжело ворочались мысли, сжимая горло, словно холодные змеи. Разве так может продолжаться всю жизнь? Неужели я никогда не смогу жить нормально? Я столько всего из-за этого теряю: подработки, личную жизнь, возможность просто спокойно просыпаться по утрам. Не могу задерживаться по вечерам, приходить вовремя на учёбу, так как днём почти нет сил, а иногда кажется, что никто и никогда не сможет полюбить человека с таким грузом в голове.

Я громко вздохнула и посмотрела вдаль. Дворы сейчас, конечно, строят красивые: в форме самолётов, кораблей, машинок, ставят домики, качели и горки с безопасными спусками — совсем не такие, как были в нашем детстве.

Пока я разглядывала деревянный корабль, заметила блеск глаз за противоположной лавкой.

Решив, что это кошка или собака, я тихо позвала:

— Кс-кс-кс… Иди сюда, сладкий, я тебя поглажу.

Глаза продолжали неподвижно смотреть на меня, не приближаясь и не исчезая. Решив, что зверёк просто боится, я улыбнулась и спокойно сказала:

— Ну и ладно, сиди там дальше, пугай своими глазищами других. Я и так пуганая.

Я вздёрнула подбородок, сложила руки на груди и, немного подумав, добавила:

— Если бы ты вышел, мы бы сходили в круглосуточный магазин и купили чего-нибудь поесть.

На мгновение мне даже показалось, что глаза заинтересовались моим предложением, но их хозяин всё равно не спешил показываться. Мы ещё немного смотрели друг на друга, пока до меня медленно не дошло, что это не кот, не собака и вообще не животное.

Я почувствовала страх. Только не свой.

Его.

Это существо будто не было живым. У него словно не было ни формы, ни текстуры — казалось, оно состояло из одних теней. Я осторожно подошла ближе, боясь спугнуть, потому что уже видела подобных существ раньше, на границе сна. Только те казались злыми, а этот… этот сам был напуган.

Не знаю почему, но мне всегда казалось, что такие сущности — это души, которые не смогли обрести покой и навсегда застряли в своих страхах, боли и сожалениях.

Прямо как я. Только я пока ещё живая.

— Ты не голодный? Или просто боишься меня?

Договорить я не успела.

Существо вдруг метнулось прямо мне на грудь, отчего я потеряла равновесие, упала на спину и больно ударилась затылком.

— Пошёл прочь! — прошипела я, инстинктивно пытаясь оттолкнуть его.

И оно действительно исчезло.

Несколько секунд я просто сидела на холодном асфальте, приходя в себя, а потом невольно усмехнулась. Раньше эти чудища пугали меня моими же страхами, а теперь ещё и прыгать на людей начали. Ну это уже вообще ни в какие ворота.

Поднявшись, я отряхнула кардиган от пыли и осмотрелась. На земле блестели выпавшие ключи от квартиры, а рядом лежали несколько чёрных камней, похожих на гладкий оникс. Я присела, вглядываясь в них, и заметила, что на каждом вырезаны какие-то угловатые знаки, похожие на руны.

Вот это да…

Получается, это лупоглазое чудовище обронило свою вещь.

Честно говоря, брать их было страшновато. Вдруг оно потом вернётся искать пропажу? Но любопытство всегда побеждало мой здравый смысл.

Я достала телефон и сфотографировала камни прямо так, как они лежали на асфальте. Какие-то палочки, закорючки…

совершенно ничего не понятно.

Ну ничего, дома разберусь.

Всё, что происходит, происходит не просто так. Я ведь сама недавно просила хоть какой-нибудь знак, что делать дальше и как жить. Кто же знал, что Вселенная решит ответить настолько своеобразно.

Оставалось только понять, как забрать находку: трогать странные камни голыми руками почему-то совсем не хотелось.

Я огляделась по сторонам и заметила мусорный бак.

— Ну, другого выхода нет…

Настроение после встречи с существом неожиданно стало почти авантюрным, и я бодро направилась к мусорке. Найти бы кусок картона, пакетик или хоть что-нибудь относительно чистое, чтобы сгрести эти камни и не касаться их пальцами.

Справа послышался собачий шаг… нет, сначала тихое цоканье когтей по асфальту, потом лёгкие шаги человека.

Но отвлекаться не хотелось. У меня вообще-то археологические раскопки!

— Девушка, вы в порядке?

Я замерла и, так и не вынимая руку из мусорного бака, медленно повернулась на голос.

— Со мной всё в порядке. Вы лучше на себя посмотрите, — раздражённо ответила я, потому что меня отвлекли в самый неподходящий момент.

Выпрямившись, я наконец рассмотрела незнакомца. Пе-

редо мной стоял парень лет двадцати пяти с пушистой рыжей чау-чау на поводке. Свободная толстовка, русые волосы, густые ресницы и какое-то очень спокойное, чуть сонное лицо. Пёс сидел у его ноги с точно таким же невозмутимым выражением морды. Не зря говорят, что хозяева со временем становятся похожи на своих собак.

Парень машинально оглядел себя и с недоумением пожал плечами:

— Да со мной вроде всё нормально… А вот почему вы в четыре утра в мусорке лазите?

От такой непосредственности я даже растерялась. Какая ему вообще разница?

— Мужчина, не ваше дело. Идите своей дорогой.

Он поднял руки, словно сдаваясь, но в уголках его губ мелькнула едва заметная улыбка:

— Ну ладно. До свидания.

Я проводила его взглядом всего секунду, потом сразу повернулась обратно к камням…

Их не было.

Я ещё раз посмотрела под лавку, потом на асфальт, потом туда, где они лежали буквально минуту назад. Пусто.

Со злости я пнула мусорный бак, подняла с земли ключи и тяжело вздохнула.

Мда…

Ночка выдалась что надо.

Камни профукала, с каким-то парнем успела поругаться,

ещё и в мусорке зря поковырялась, да вдобавок башка гудит. Пощупала затылок — под пальцами уже набухала шишка. Вернулась домой и, стараясь не думать о ночной панике, всё-таки провалилась в сон.

Глава 2

Жужжание будильника раздражало до зубного скрежета, вставать совершенно не хотелось. Я вслепую потянулась за телефоном, выключила звук и снова укрылась одеялом с головой. Только бы не уснуть обратно, хотя соблазн был слишком велик. Полежав ещё пару минут, я со вздохом перевернулась на спину и взглянула на экран. Восемь утра — какая же рань, особенно когда спишь от силы часа четыре.

Со стоном выбралась из кровати и поплелась на кухню. На столе под крышкой уже ждала тёплая яичница с помидорами, а рядом белела записка от мамы:

«Снова ты ночью бродила по квартире. Я тебя осуждаю, Ариадна! Приятного аппетита ♥»

Я невольно улыбнулась.

Родители меня любили. Просто мама обладала удивительным талантом: в двух строчках одновременно накормить, отчитать полным именем и пожелать приятного аппетита.

Умывшись и почистив зубы, я села завтракать и глянула на настенные часы — уже половина девятого. Так... Пары начинаются в девять тридцать пять, дорога занимает минут сорок. Значит, выйти из дома нужно было ещё десять минут

назад. Я тяжело вздохнула. Ну и ладно, опять опоздаю. Когда же наконец прекратятся эти ночные походы, чтобы я могла хоть один день прожить как нормальный человек? Быстро собралась, даже не накрасив ресницы, схватила рюкзак и выскочила из квартиры.

Я учусь в колледже на издательском деле. Поступила сразу после девятого класса и сейчас заканчиваю второй курс. Звучит специальность красиво, но пока нас грузят в основном экономикой, защитой авторских прав и прочей теорией, которая мало похожа на живую работу с книгами или вёрстку. Зато в нашем корпусе есть огромная старая библиотека, и именно туда я собиралась наведаться на большой перемене.

Ночная фотография с камнями никак не выходила из головы. Что это были за руны? Что это вообще было за существо? Почему оно испугалось меня? И почему не отпускает чувство, будто за этими странными знаками прячется ответ на то, что творится со мной последние годы?

Звонок прозвенел в ту секунду, когда я взялась за ручку двери. Я буквально влетела в аудиторию. Валентина Петровна даже не успела сделать замечание, а я уже плюхнулась за первую свободную парту у прохода — все нормальные места у окна давно разобрали.

— Ариадна, вы снова плохо выглядите, — с привычным укором произнесла Валентина Петровна, поправляя очки.

— Валентина Петровна, вы тоже...

Я осеклась на полуслове, а по рядам уже прокатились

сдавленные смешки.

— То есть... хорошо выглядите. Очень хорошо, — поспешила исправиться я, заметив, как её брови медленно поползли вверх.

Я машинально обернулась на задний ряд, надеясь переглянуться с Ярой, но её место пустовало. В ту же секунду телефон в кармане коротко вибрировал. На экране всплыло сообщение от подруги:

«Риана, даже не ищи меня глазами, я проспала первую пару. Прикроешь, если Петровна спросит? С меня кофе с сиропом».

Я мысленно вздохнула: кто бы сомневался. Когда снова подняла глаза к доске, поймала долгий, сочувствующий взгляд преподавательницы. Почему-то Валентина Петровна была твёрдо уверена в двух вещах: что у меня редкие способности к профессии и что я по ночам употребляю что-то запрещённое. Не знаю, почему она пришла именно к такому выводу. К счастью, ошибалась она сразу в обоих пунктах.

— Пересаживаемся за компьютеры и выполняем практическое задание. Сегодня разбираем регистрацию товарного знака...

Дальше я уже не слушала. Быстро сфотографировала карточку с заданием, закинула её нейросети с просьбой расписать решение по пунктам, а сама открыла ночной снимок камней. Сначала вбивала в поиск просто «древние руны», потом скандинавские, потом славянские. Поиск по картин-

ке выдавал всё подряд: енохианский алфавит, средневековые сигилы, магические печати, алхимические таблицы... но ни один символ даже отдалённо не совпадал с узором на моих камнях. Я приблизила фотографию, потом ещё раз, всматриваясь в каждую резную черту, словно могла вытащить смысл одним только взглядом.

Нет, интернет тут бессилен. Значит, остаётся вариант номер два — библиотека.

Глава 3

Я без зазрения совести прогуляла оставшиеся пары и просидела в читальном зале до самого закрытия, но толку было чуть. Начала как прилежная студентка издательского дела — с бумажного каталога. «Письменность», «палеография», «история древнего письма»: картонные карточки сменяли друг друга, я выписывала библиотечные шифры, таскала к столу увесистые атласы и раскрывала их на вкладках с таблицами алфавитов. Финикийское письмо, глаголица, кельтский огам, старший и младший рунические ряды — я сверяла каждый знак с экраном телефона, и ни один не подходил.

Ближе к четырём часам библиотекарь, сухощавая пожилая женщина с аккуратным седым пучком и бейджем «Тамара Ивановна», перестала делать вид, что не замечает моих мучений.

— Девушка, вы уже третий час таскаете одни и те же тома с полки на стол. Что вы там выискиваете?

Я повернула к ней экран телефона с фотографией и соврала первое, что пришло в голову:

— Ищу материалы для курсовой по истории книги.

Тамара Ивановна поправила очки на переносице, раздвинула снимок двумя пальцами и надолго замолчала, вглядываясь в чёрные камни.

— На скандинавские руны не похоже. На кириллицу с глаголицей — тем более. Я сорок лет в этом зале работаю, но такого начертания в атласах не встречала.

Я поблагодарила и уже начала собирать тетради, когда она задумчиво добавила:

— Хотя... Вы про «черты и резы» слышали?

— Нет.

— Черноризец Храбр в своём сказании упоминал, что до принятия азбуки славяне обходились чертами и резами — ими считали и гадали. Вот только ни одного достоверного образца до наших дней не дошло. Учёные до сих пор спорят, была ли это настоящая письменность или просто знаки для гадания.

Она пожала плечами и кивнула в глубь зала:

— Если ваших символов нет ни в одном академическом атласе, возможно, копать надо в эту сторону. Сборник статей стоит на третьей полке слева. Только из читального зала не выносите.

Сборник оказался тонким и усыпляюще скучным: сплошные научные споры, ссылки на одну-единственную фразу

Храбра и ни одной иллюстрации. Образцов нет — значит, и сверять мне не с чем.

Я открыла свой блокнот, размашисто вывела два слова: «черты и резы» — и со злостью дважды подчеркнула строчку. Когда подняла глаза, Тамара Ивановна у стойки уже красноречиво позвякивала связкой ключей. Я сдала книги и вышла на крыльцо.

На улице меня встретила удивительно тёплая, спокойная весна. Воздух пах нагретым асфальтом и тополиными почками, солнце мягко пробивалось сквозь молодую листву, вовсю горланили птицы, а прохожие неторопливо шли по своим делам и улыбались друг другу. В такие минуты мне казалось, что весь город живёт какой-то другой, правильной жизнью, где нет бессонных ночей, удушающей паники и чужих глаз, глядящих из темноты.

Дойдя до остановки, я снова раскрыла блокнот. Ну а вдруг? Вдруг это действительно та самая ниточка? Вдруг сейчас я наконец пойму, что творится со мной все эти годы? Хотя со стороны это, конечно, смахивает на завязку дешёвого мистического сериала.

Я потратила впустую целый день, прогуляла пары, с утра крошки во рту не держала и устала так, что мелко подрагивали пальцы. И всё ради двух слов, которые, возможно, вообще ничего не значат.

Автобус подошёл как раз вовремя. Я сунула блокнот в рюкзак и, окончательно разозлившись то ли на саму себя, то

ли на весь этот странный мир, поднялась в салон.

Когда я переступила порог квартиры, из кухни уже тянуло густым ароматом жареного мяса, чеснока и свежего хлеба. Мама колдовала у плиты, а папа сидел за столом с раскрытой книгой — казалось, за последние двадцать лет в его вечернем ритуале не изменилось ни одной детали.

Я молча стянула куртку, пристроила рюкзак у стены и устало опустилась на табуретку.

— Привет.

— Привет, Рада, — тепло улыбнулся папа, придерживая страницу пальцем. — Как день прошёл?

— Нормально.

— Снова до утра не спала? — Мама даже не обернулась от плиты, но по звуку моих шагов всегда угадывала состояние безошибочно.

Я тяжело вздохнула и провела ладонью по лицу, словно пытаясь стереть сонливость.

— Уснула только перед рассветом.

Мама выключила конфорку, вытерла руки полотенцем и повернулась ко мне:

— Ариадна, я записала тебя к психологу.

— Мам... По-моему, психолог тут уже бессилен. Мне скорее к психиатру, — слабо хихикнула я.

— Прекрати свои шуточки! Чтобы тебя опять посадили на те тяжёлые таблетки? Нет уж, спасибо. Мы через это уже проходили. Хватит.

Мама ещё минут десять говорила о режиме сна, свежем воздухе, нормальном питании и о том, что я слишком много держу в себе. Я почти не вслушивалась, только послушно кивала в паузах.

— Хорошо, мамочка. Я пойду немного полежу до ужина, ладно?

Она лишь устало махнула рукой.

Я уже взялась за косяк кухонной двери, когда папа, всё это время молча смотревший в страницу, вдруг негромко произнёс:

— А может быть... ты просто ещё не знаешь, что умеешь.

Я замерла и обернулась. На секунду мне показалось, что папа смотрит на меня совсем иначе — серьёзно, понимающе, будто знает о моих ночах куда больше, чем говорит. Но он уже снова опустил глаза в книгу, а мама тут же возмущённо всплеснула руками:

— Ну вот, опять ты со своей философией! Нет чтобы с дочерью серьёзно поговорить, вечно загадками отделываешься, вся в вашу породу пошла!

Решив, что папа просто хотел разрядить обстановку, я ушла к себе в комнату, рухнула на диван, с головой зарылась в мягкий белый плед и достала телефон.

Так, подведём итоги. Ночью я снова столкнулась с одной из этих... сущностей. Она прыгнула на меня, я упала, набила шишку на затылке, а потом нашла камни со знаками. Стоило мне отвернуться на полминуты — камни испарились.

Осталась только фотография. Я открыла галерею и долго смотрела на экран.

Мне всегда казалось, что все мои беды начались именно из-за этих теней. Что это они виноваты в ночной панике, бессоннице и вечном ощущении чужого взгляда в спину. Но если подумать трезво... за все эти годы ни одна из них по-настоящему мне не навредила. Они пугали. Наблюдали. Иногда подбирались слишком близко. Но что, если вчерашняя тень действительно боялась сама?

Если существо всю свою жизнь знает только страх и холод, разве оно не будет тянуться к живым просто потому, что ничего другого не умеет?

Я тихо усмехнулась в плед:

— Господи... дожили. Я уже пытаюсь оправдывать каких-то ночных призраков.

Похоже, мама всё-таки права. Специалист мне точно не помешает.

Я в последний раз раздвинула пальцами фотографию на экране.

И вдруг похолодела.

Руны...

Они изменились.

Я готова была поклясться чем угодно, что ещё пару часов назад в библиотеке знаки выглядели совсем иначе. Теперь ломаные черты выровнялись, стали строже и отчётливее, словно кто-то невидимый прямо внутри снимка перево-

дил неведомое письмо на более знакомый алфавит.

Я сбросила плед, схватила со стола блокнот с ручкой и принялась лихорадочно перерисовывать новые символы, боясь упустить хотя бы одну чёрточку. Закончив, открыла в браузере поиск по картинке и сфотографировала свой набросок.

Через пару секунд загрузились совпадения. Скандинавский рунический ряд. Я трижды перечитала подпись, переводя взгляд с экрана на блокнот и обратно на ночное фото.

Но как такое вообще возможно? Ещё днём мы с Тамарой Ивановной сверяли этот снимок со всеми скандинавскими таблицами, и там не было ничего похожего! Я с силой потёрла глаза и проверила время создания файла: четыре утра, сегодняшний день. Единственный снимок в галерее.

— Всё... — прошептала я в пустоту комнаты. — Либо я окончательно схожу с ума... либо происходит что-то, чего я пока просто не понимаю.

Я отложила телефон на край стола, щёлкнула выключателем и легла лицом к стене. Надо просто поспать. Потому что разумных объяснений у меня больше не осталось.

Глава 4

Руны висели в темноте, медленно вращаясь вокруг собственной оси. Они казались ледяными, словно высеченными из чёрного камня, но стоило мне попытаться вглядеться в грани, как поверх каждой начинали проступать бук-

вы. Незнакомые, текучие. Они складывались в слова — почти понятные, почти читаемые, — но каждый раз, когда я успевала разобрать хотя бы первый знак, их срывал с места огромный беззвучный водоворот. Воронка крутилась всё быстрее, всё яростнее, утягивая символы в черноту. И вдруг мне показалось, что следующей туда падаю уже я.

Я резко распахнула глаза и жадно хватила ртом воздух, словно вынырнула со дна ледяного озера. Сердце колотилось так отчаянно, что каждый удар глухо отдавался в висках, а грудь сдавливало знакомое удушье, будто кто-то невидимый сжал ладонями рёбра, не давая сделать полный вдох.

Комната вокруг оставалась прежней: тёмный шкаф, письменный стол, приоткрытая форточка, узкая полоска лунного света на полу. Но липкое ощущение сна никуда не исчезло. Казалось, стоит только моргнуть — и воронка снова разверзнется прямо посреди спальни, а каменные знаки продолжат кружить над кроватью. Я крепко зажмурилась, потёрла лицо ладонями и попыталась подышать на четыре счёта, убеждая себя, что это просто дурной сон. Не помогло. Тревога только густела, расползаясь под кожей ледяными мурашками, а вместе с ней росло странное чувство: будто меня всё ещё куда-то тянет, словно невидимое течение не отпустило до конца.

По привычке я уже собиралась вскочить, броситься в ванную под ледяную струю и возвращать себя в тело так, как делала десятки раз, но в последний миг замерла, свесив ноги

с кровати. Вчерашние слова папы вдруг всплыли в памяти так отчётливо, будто он произнёс их прямо над ухом:

«А может быть... ты просто ещё не знаешь, что умеешь».

Я сидела на краю матраса, тяжело дыша и пытаясь понять, чего сейчас боюсь сильнее — очередного ночного приступа или того, что папа окажется прав.

В четырёх стенах стало совсем тесно. Я накинула поверх пижамы свой оливковый кардиган, сунула ноги в кроссовки и тихо, стараясь не скрипнуть половицей и не разбудить родителей, выскользнула из квартиры.

Ночной дворовый воздух сразу ударил в лицо свежестью, и я наконец смогла вдохнуть полной грудью. Медленно дошла до той самой лавочки, на которой сидела прошлой ночью, опустилась на холодные доски и прикрыла веки, прислушиваясь к собственному пульсу. Сердце всё ещё частило, но уже не рвалось наружу.

Достав из кармана телефон, я взглянула на экран.

04:00.

Да что же за проклятие с этим временем? Неужели мой организм решил, что четыре утра — идеальный час для пыток?

Я горько усмехнулась собственным мыслям и подняла голову. Двор был сонным и пустым, только утренний ветер лениво перебирал молодую листву на тополях, да где-то на верхних ветках подавали голос первые птицы.

— Не спится?

От неожиданности я вздрогнула всем телом и резко повернулась.

В двух шагах от скамейки стоял вчерашний парень со своим пушистым рыжим медведем на поводке. Чау-чау, узнав меня, лениво качнул хвостом и тут же деловито уселся у хозяйских кроссовок.

— Можно? — спросил парень, кивнув на свободный край лавочки.

Я молча пожала плечами.

Он сел на почтительном расстоянии, не вторгаясь в моё пространство, и положил сцепленные руки на колени. Несколько секунд мы просто молчали, слушая тишину двора.

— Кажется, сегодня мусорный бак исследовать не планируешь? — наконец спросил он, и в его голосе послышалась тёплая, чуть сонная улыбка.

Несмотря на свинцовую тяжесть в груди, я невольно фыркнула:

— Сегодня у меня законный выходной.

Он повернулся ко мне и просто протянул раскрытую ладонь:

— Кстати, мы ведь вчера так и не познакомились. Я Федя.

Я опустила взгляд на его руку. Голова всё ещё была ватной после кошмара, мысли путались, но почему-то именно эта спокойная протянутая ладонь показалась мне сейчас единственной твёрдой точкой во всём плывущем дворе. Я

медленно вытащила руку из рукава и вложила свои ледяные пальцы в его ладонь. Она оказалась сухой, немного шершавой и удивительно тёплой — настолько тёплой, что я невольно задержала руку на секунду дольше, чем требовалось для обычного знакомства.

— Ариадна, — почти шёпотом ответила я, осторожно высвобождая пальцы и снова пряча их в вязаный рукав. — Можно просто Ария.

Федя внимательно посмотрел на меня в сером предрассветном полумраке. В его глазах не было ни праздного любопытства, ни той приторной жалости, которую я так ненавидела, — только тихое человеческое участие.

— Ты выглядишь совсем измотанной, Ария. У тебя точно всё в порядке?

По привычке на языке уже вертелось дежурное «Да, всё отлично», но слова вдруг застряли в горле. Впервые за очень долгое время мне отчаянно захотелось сказать правду — хотя бы одному человеку.

— Умеешь ты подбодрить девушку в четыре утра, — слабо усмехнулась я, глядя на свои носки. — Но мне и правда паршиво. Меня мучают панические атаки во сне. Слышал о таком?

Федя не полез с непрошеными советами, не стал спрашивать про врачей или уверять, что мне нужно просто попить ромашковый чай. Он лишь понимающе кивнул, помолчал секунду и негромко предложил:

— Хочешь, я просто посижу рядом?

Я удивлённо подняла на него глаза. Обычно люди начинали суетиться, ставить диагнозы или доказывать, что я сама себя накручиваю. А он предложил просто помолчать за компанию.

Я коротко кивнула. Где-то за домами прошуршала шинами редкая машина, зашелестела листва, смелее защебетали воробьи. Я сидела, чувствуя боком спокойное присутствие Феди, и замечала, как дыхание постепенно выравнивается, а ледяной ком под рёбрами отпускает.

И тут пёс у наших ног резко напрягся. Шерсть на его загривке приподнялась, а тёмные глаза уставились в густую тень за соседней скамейкой. Федя проследил за взглядом пса и тихо нахмурился:

— Странно.

— Что именно?

— Бублик иногда вот так замирает и смотрит в пустоту. Будто кого-то там видит.

Я перевела взгляд на пушистый рыжий шар и не удержалась от улыбки:

— Подожди. Его зовут Бублик?

Федя тепло улыбнулся уголком губ:

— Да. А что?

— Ничего. Идеальное имя.

Договорить я не успела: в следующую секунду Бублик глухо гавкнул, с неожиданной для его комплекции силой рванул

поводок, выдернул ремешок из расслабленной руки хозяина и кинулся за лавочку.

— Бублик, стоять! — окликнул Федя, вскакивая.

Но я сорвалась с места ещё раньше него и бросилась следом за псом. За скамейкой никого не было. Бублик стоял, широко расставив лапы, напряжённо буравил взглядом тёмный угол между разросшимися кустами сирени и сеткой детской площадки и низко, утробно рычал.

Приглядевшись, я увидела её.

Маленький клочок сгустившейся темноты, похожий на клубящийся чёрный дым, торопливо пятился под нижние ветки. Внутри него на миг блеснули два тусклых испуганных глаза. В груди кольнуло странное узнавание — та же самая вчерашняя тень. И она явно узнала меня.

За спиной захрустели быстрые шаги Феди. Я на долю секунды обернулась к нему, а когда снова посмотрела под кусты, темнота под ветками уже рассеялась. Остался только Бублик, озадаченно обнюхивавший сырую траву.

Я наклонилась, чтобы перехватить волочащийся поводок, и вдруг заметила что-то у самых корней старого куста. Прямо на тёмной земле лежал небольшой плоский камень.

Сердце пропустило удар.

Такой же.

Точь-в-точь как те, что я фотографировала вчера ночью.

Забыв о вчерашней брезгливости, я присела и коснулась его кончиками пальцев. Камень оказался обжигающе холод-

ным, словно пролежал в снегу, хотя ночь стояла тёплая. На гладкой чёрной грани темнела вырезанная руна, но сейчас её линии едва заметно переливались изнутри тусклым серебристым светом.

— Что ты там нашла? — спросил подошедший Федя, придерживая Бублика за ошейник.

Я пару секунд колебалась, сжимая находку в кулаке, а потом решилась и разжала ладонь:

— Вот. Странная штука.

Федя осторожно взял камень с моей ладони — в этот момент его тёплые пальцы снова вскользь задели мою кожу — и поднёс находку ближе к глазам. Как только камень оказался в его руке, серебристое свечение внутри резьбы дрогнуло и погасло, оставив лишь обычную царапину на чёрном камне.

— Интересно... — задумчиво протянул он, проводя большим пальцем по бороздке.

— Тоже видишь просто бессмысленные закорючки?

— Наоборот. Кажется, я где-то уже встречал очень похожий строй знаков.

Я резко вскинула голову:

— Где?!

Федя свёл брови, припоминая:

— Сходу не скажу. Но точно не в интернете. Что-то из старых архивных сборников... Возможно, попадалось на глаза у нас на кафедре.

— Ты учишься в университете?

— Угу. На историческом, в магистратуре.

Он ещё раз повертел потемневший голыш в пальцах и вернул его мне. Я бережно опустила камень в глубокий карман кардигана, чувствуя его ледяную тяжесть даже сквозь плотную вязку.

— На классические скандинавские руны это не тянет, — добавил Федя. — Скорее напоминает древние тамги, сигилы или какое-то совсем архаичное письмо. Но тут по одному знаку не скажешь, выборка слишком маленькая.

В груди снова шевельнулась робкая, горячая надежда.

— А если не по одному? У меня есть ещё.

Федя вопросительно посмотрел на меня. Я торопливо вытащила телефон, открыла галерею и сунула экран ему почти под самый нос.

Несколько секунд он молча вглядывался в ночной снимок. Постепенно сонная мягкость с его лица сошла, взгляд стал цепким и сосредоточенным.

— Ария.

— Что?

— Эти знаки на камнях повторяются.

— И что это значит?

— В случайных узорах и оберегах символы почти не дублируют друг друга в одном ряду. А вот в настоящей письменности повторяются буквы.

Я замерла, глядя на него снизу вверх. За вчерашний день в библиотеке мне эта простая мысль даже в голову не пришла.

Федя раздвинул снимок двумя пальцами и указал на крайние камни:

— Смотри сюда. Вот этот знак с косой чертой встречается здесь, здесь и в самом низу. А вот этот узел идёт дважды подряд. Для слепого совпадения — слишком чёткая система.

По спине пробежали мурашки. Федя смотрел на экран не как на блажь невыспавшейся соседки, а как учёный на настоящий шифр. Словно эти чёрные камни действительно пытались со мной заговорить. Неужели я наконец-то подобралась к разгадке?

Глава 5

Через пару дней после нашей предрассветной встречи Федя написал мне первым:

«Если желание разобраться со знаками ещё не пропало — приезжай завтра к одиннадцати к главному корпусу университета. Попробуем расколоть твой шифр вместе».

Я гипнотизировала это сообщение добрых пять минут.

Наверное, благоразумная девушка вежливо бы отказалась. Ну или хотя бы задумалась, стоит ли ехать через полгорода к парню, с которым виделась дважды в жизни в четыре часа утра у мусорного бака. Но, если начистоту, особого выбора у меня не оставалось.

Камень, который мы нашли с Бубликом под кустом, с того самого утра лежал у меня дома на тумбочке совершенно мёртвым грузом — гладкий, холодный и молчаливый, без

малейшего намёка на прежний серебристый свет. Зато фотография в телефоне жила своей жизнью: я открывала её по тридцать раз на дню, а по ночам мне снова снились угловатые символы, которые расползались по обоям комнаты, стоило лишь сомкнуть веки.

Поэтому ровно в одиннадцать утра я уже стояла перед главным корпусом государственного университета.

Старинное здание с массивными белыми колоннами, широкими каменными ступенями и тяжёлыми дубовыми дверями возвышалось надо мной, как настоящий музей. Всё вокруг дышало такой академической важностью, что мне в моих походных кроссовках даже стало немного не по себе.

Я поправила лямку рюкзака и начала подниматься по лестнице.

— Ариадна!

Я обернулась на голос.

— Сегодня ты выглядишь ещё более безумной, чем в наши прошлые встречи, — с лёгкой улыбкой заметил Федя, сбегая ко мне по ступеням.

Я машинально скосила глаза на свой наряд. Последние трое суток я спала урывками, густая русая коса растрепалась на ветру и пушилась во все стороны, свободные спортивные штаны помялись в автобусе, а под глазами залегли такие выразительные тени, что ими впору было пугать моих ночных гостей без всякого грима.

— В очередной раз спасибо за комплимент, — с камен-

ным лицом отозвалась я. — Ты просто эталон джентльмена.

Федя тихо рассмеялся, ничуть не смутившись:

— Стараюсь держать марку.

— Тогда лови бесплатный дружеский совет. Завязывай общаться с женщинами в таком ключе. Иначе однажды мы соберёмся вон за тем углом, подкараулим тебя после пар и начнём по очереди осыпать точно такими же любезностями. Проверишь на себе, насколько это вдохновляет.

Он весело поднял ладони:

— Принято. Буду следить за формулировками.

— Вот и славно. Инстинкт самосохранения — вообще полезная штука.

— Пойдём внутрь, — кивнул Федя на высокие двери.

— А ты уверен, что меня охрана на пороге не развернёт?

— Не развернёт. Я заказал на твоё имя гостевой пропуск. Расслабься, у нас тут истфак, а не секретный бункер.

Мы прошли через тяжёлые двери в холл, и меня сразу окутал особенный университетский запах — смесь старой бумаги, натёртого паркета и свежесваренного кофе. Здесь всё казалось каким-то основательным и взрослым. Студенты неспешно переговаривались у колонн, кто-то сидел прямо на широких мраморных подоконниках с раскрытыми ноутбуками, кто-то сверялся с расписанием у стенда. Никто не нёсся сломя голову по лестницам, как у нас в колледже, где двухминутное опоздание к Валентине Петровне приравнивалось к концу света.

Федя подошёл к посту охраны, коротко поздоровался за руку с седым вахтёром, расписался в журнале и протянул мне пластиковый пропуск:

— Поздравляю. Теперь ты официально существуешь в стенах этого здания.

— Спасибо. Всю жизнь мечтала существовать официально.

Он усмехнулся и кивнул в сторону лестницы.

Мы поднялись на второй этаж и пошли по светлому гулкому коридору. Между высокими арочными окнами висели пожелтевшие снимки с раскопок, карты под стеклом и строгие портреты профессоров прошлого века — лица у всех были такие суровые, будто они лично подписывали указ о запрете студенческого веселья.

— У вас тут как в другом веке, — невольно засмотревшись на сводчатый потолок, сказала я. — Очень красиво.

— Это да, — согласился Федя, подстраивая свой широкий шаг под мой. — В твоём колледже корпус тоже старый, просто когда бежишь на пары в мыле, перестаёшь смотреть по сторонам. А такие стены умеют хранить чужую память, если к ним прислушаться.

— Ты и правда настолько горишь историей?

Федя засунул руки в карманы джинсов и задумчиво пожал плечами:

— Не датами из учебников. Мне нравится сам азарт поиска. Представь: кто-то тысячу лет назад вырезал на камне или

бересте пару строчек, вложил в них что-то жизненно важное, а ты сидишь над этим осколком и пытаешься разгадать, о чём он думал и чего боялся. Иногда на одну такую загадку уходит полжизни.

Я посмотрела на него сбоку — на то, как сразу потеплели и оживились его глаза, когда он заговорил о своей работе, — и невольно улыбнулась:

— Получается, мы с тобой сегодня занимаемся примерно тем же самым.

— Именно. Только вместо раскопок древнего городища у нас в уликах фотография с твоего телефона.

За поворотом коридора показалась стеклянная перегородка небольшого студенческого буфета. Там было немноголюдно и очень светло: несколько круглых деревянных столиков, густой аромат ванили и корицы от свежих булочек и косые лучи утреннего солнца на столах.

— Первым делом — горячий чай, — безапелляционно заявил Федя. — На голодный желудок древние шифры не поддаются.

Мы взяли на раздаче по большой кружке чёрного чая с лимоном и устроились у крайнего столика возле окна. Пару минут молчали. Я грела ладони о горячий фарфор, не зная, с какого боку подступиться к теме, а Федя спокойно размешивал сахар и явно давал мне время собраться с мыслями.

— Ну что, Ария... — наконец негромко произнёс он, откладывая ложку и поднимая на меня прямой взгляд. — Те-

перь, при свете дня, расскажешь, как было на самом деле?

Я насторожилась:

— О чём ты?

— О том, откуда у тебя взялись эти камни. Только давай без дежурных отговорок.

Легенду для него я заготовила ещё утром в автобусе:

— Я же учусь на издательском, увлекаюсь славянским фольклором, старыми сказками, городской мифологией. Иногда в сети или на барахолках попадаются странные обереги со знаками, начинаешь копать, откуда растут ноги. А тот камень во дворе... ну, видимо, кто-то из таких же любителей обронил.

Федя смотрел на меня несколько долгих секунд, слегка наклонив голову, и по его спокойному взгляду было абсолютно ясно: он прекрасно видит, где я недоговариваю. Но давить не стал.

— Допустим, — миролюбиво кивнул он. — Раз уж мы играем в историков, запомни первое правило любого дешифровщика: никогда не пытайся сразу угадать смысл текста. Сначала нужно проверить, не обманывает ли тебя собственное воображение. Люди веками принимали случайные трещины на камнях за послания богов, а настоящие письмена — за обычный орнамент.

— А если это не трещины и не орнамент? — тихо спросила я, глядя в его глаза. — Если там действительно что-то написано?

Федя допил свой чай, поднялся из-за стола и ободряюще улыбнулся мне:

— Тогда допивай чай и пошли наверх. Здесь слишком много лишних ушей, а у меня есть ключи от одного очень тихого места, где нам никто не помешает это выяснить.

Глава 6

Мы поднялись по боковой лестнице на самый верхний этаж. Здесь было совсем тихо — ни студенческого гула, ни хлопанья дверей. Только длинный полутёмный коридор с высокими пыльными окнами и старым дубовым паркетом, который протяжно поскрипывал под каждым шагом.

Федя остановился в самом конце у массивной филёнчатой двери и достал из кармана связку ключей.

— Нам повезло, — негромко сказал он, в два оборота отпирая тяжёлый замок. — Научный руководитель разрешает мне работать в его архиве, пока я дописываю магистерскую. Главное условие — ничего тут не разгромить.

— А если случайно разгромлю я?

Он обернулся через плечо и серьёзно посмотрел на меня:

— Тогда свалим всё на кафедральный полтергейст.

Я криво усмехнулась про себя: знал бы он, насколько близко к правде сейчас пошутил.

Кабинет оказался тесным, но удивительно уютным. Почти всё пространство от пола до потолка занимали тёмные стеллажи с книгами. Тома громоздились даже на паркете ровны-

ми башнями, словно на полках им давно стало тесно. У самого окна стоял широкий письменный стол, заваленный словарями, картонными папками и какими-то пожелтевшими полевыми тетрадями.

— Располагайся, — Федя одним движением снял со второго стула стопку монографий и придвинул его вплотную к своему. — Давай сюда телефон. Посмотрим при нормальном свете, что за чудо ты мне принесла.

Я разблокировала экран, открыла галерею и положила телефон перед ним на зелёное сукно стола. Федя придвинул к себе чистый лист бумаги, взял остро отточенный карандаш и принялся сосредоточенно перерисовывать знаки с фотографии один за другим. Несколько минут в кабинете слышалось только тихое шуршание грифеля да мерное тиканье старых настенных часов.

Вдруг рука Феди замерла. Он нахмурился и подался ближе к экрану.

— Подожди-ка.

— Что такое?

Он медленно развернул телефон ко мне:

— Ария, они разве были такими вчера утром?

Я опустила взгляд на снимок — и внутри всё оборвалось.

О боже. Ещё вчера вечером черты напоминали строгие скандинавские руны. А сейчас прямо на глазах линии снова поплыли: одни знаки вытянулись и заострились, другие скрутились в угловатые узлы, а два крайних символа и вовсе

растаяли на камне, будто их стёрли ластиком.

— Ты... ты тоже это видишь? — с замиранием сердца выдохнула я.

Федя медленно поднял на меня взгляд. От его прежней расслабленной улыбки не осталось и следа.

— Ты меня сейчас разыгрываешь? Подменила файл или открыла гифку?

У меня вырвался такой нервный смешок облегчения, что я прижала ладонь к губам.

— Значит, мне не мерещится. Значит, я всё-таки не схожу с ума!

— Если это не фокус с монтажом, — очень тихо и совершенно серьёзно ответил Федя, — то с ума мы с тобой сходим синхронно.

Он провёл пальцами по экрану, проверил свойства файла, дату съёмки и глухо выдохнул, потирая переносицу:

— Какая-то чертовщина... Обычный снимок в памяти телефона не может переписывать сам себя. Это противоречит всем законам физики.

В тесном кабинете повисла густая тишина. Я ждала, что сейчас он, как правильный учёный, начнёт искать рациональное объяснение про битые пиксели, но Федя вдруг резко поднялся со стула. Подошёл к дальнему стеллажу, вытащил с верхней полки увесистый словарь старославянских древностей, следом — том по палеографии, а затем достал из ящика стола толстую серую папку с рукописными листами и вы-

цветшими кальками.

Следующие двадцать минут он почти не замечал ничего вокруг. Листал шуршащие страницы, сверял таблицы, черкал карандашом на полях и то и дело упрямо качал головой. Не выдержав, я поднялась и встала у него за спиной, заглядывая через плечо. От его свитера едва уловимо пахло свежим ветром, кедром и тем самым буфетным чаем. Почувствовав меня рядом, Федя не отстранился — наоборот, машинально подвинул локтем стопку словарей на краю стола, освобождая мне место, чтобы я могла опереться руками о столешницу. Мы стояли плечом к плечу над пожелтевшими кальками, хотя в этих бесконечных таблицах я всё равно понимала не больше, чем первоклассник на лекции по ядерной физике.

Наконец Федя резко выпрямился, и его плечо ощутимо задело моё.

— Есть. Кажется, нащупал.

— Что там?! — я тут же подалась ближе к папке.

— Это не руны. И не глаголица. Мой научник тридцать лет назад ездил в этнографическую экспедицию по северным скитам и привёз прорисовки со старых закладных камней. Посмотри на срез линий — это то самое добуквенное письмо, о котором спорят историки...

— «Черты и резы» Черноризца Храбра? — выпалила я прежде, чем он успел закончить.

Федя изумлённо повернул голову ко мне — его лицо оказалось совсем близко, на расстоянии ладони.

— Ничего себе. Откуда ты знаешь?

— Вчера три часа просидела в библиотеке с нашей Тамарой Ивановной, — не без гордости призналась я. — Только она сказала, что ни одного образца не сохранилось.

— В официальных атласах — да, — Федя посмотрел на меня с неприкрытым уважением. — Слушай, а ты опасный конкурент. Я сам про эту полевую папку узнал только на пятом курсе.

Он снова склонился над рукописными таблицами профессора, быстро переводя кончик карандаша со старой кальки на мой перерисованный листок. Я затаила дыхание, боясь даже шевельнуться, пока он выводил печатные буквы под каждым угловатым знаком.

Через пару минут карандаш глухо стукнул о дерево стола.

— Получается всего одно слово, — негромко произнёс Федя.

— Какое?

Он поднял на меня потемневшие глаза:

— «Междумирье».

Я нахмурилась, пробуя странное слово на вкус:

— И что оно означает в ваших хрониках?

— В старых северных преданиях так называли пограничье между явью и навью. Место между жизнью и смертью. Считалось, что туда во время камлания или тяжёлого транса могли заглядывать только волхвы и родовые шаманы. Что-то вроде изнанки нашего мира.

Я медленно выдохнула и опустилась обратно на свой стул.

«Просто блеск. Для полного счастья мне только не хватало прописаться где-то между жизнью и смертью, чтобы выяснить, кто раскидывает камни у моего подъезда».

Федя закрыл папку, повернулся ко мне всем корпусом и опёрся поясницей о край стола, скрестив руки на груди. Несколько секунд он молча изучал моё лицо.

— Ария.

— Что?

— А вот теперь давай без сказок про барахолки. Откуда у тебя эти камни?

Я отвела взгляд к пыльному окну. Врать человеку, который только что вывернул ради меня половину закрытого архива и сидел рядом со мной в четыре утра на лавочке, было совсем совестно. Но вывалить на него историю про прыгающую на грудь тень я всё ещё не решалась.

— В ту первую ночь мне снова не спалось, — осторожно начала я, выбирая только ту часть правды, которая звучала безопасно. — Вышла во двор подышать. И прямо у лавочки на детской площадке нашла рассыпанные чёрные камни. Знаки показались жутко странными, я их сфотографировала на телефон...

— А сами камни где? Те, первые, со снимка?

Я невольно прикусила нижнюю губу.

— Я хотела их забрать. Уже почти собралась... но буквально на полминуты отвлеклась.

— На что?

«Если совсем честно — на тебя и твоего Бублика», — мысленно усмехнулась я, но вслух сказала:

— На случайного прохожего с собакой. А когда повернулась обратно к лавке — на асфальте уже ничего не было.

Федя недоверчиво прищурился:

— Погоди. А мусорный бак тогда вообще при чём?

Я обречённо вздохнула:

— Мне почему-то до дрожи не хотелось хватать эти камни голыми пальцами. Было дурацкое предчувствие, что трогать их так — себе дороже. Вот я и полезла в урну искать какую-нибудь картонку, пакет или чистую бумажку, чтобы аккуратно сгрести находку.

Несколько секунд в тихом профессорском кабинете стояла абсолютная тишина. А потом Федя запрокинул голову и расхохотался — так громко, звонко и заразительно, что за окном с карниза вспорхнули голуби.

— То есть... — едва переводя дыхание от смеха, выговорил он, — я застукал тебя в четыре утра по локоть в мусорном баке, потому что ты побрезговала взять древний артефакт голыми руками?!

Я громко фыркнула, закинула ногу на ногу и с видом оскорблённой королевы посмотрела на него снизу вверх:

— То есть из всей мистической истории с исчезающими рунами и пограничьем миров тебя впечатлил исключительно мусорный контейнер?

Федя согнал смешинки с лица, хотя в глазах всё ещё плясали весёлые черти:

— Ну, согласись, первое впечатление было незабываемым.

— Замечательно. Значит, в твоей памяти я теперь до старости останусь «девушкой из мусорки».

— Обижаешь, — мягко улыбнулся он. — «Очень загадочной девушкой из мусорки».

— Благодарю покорно. Сразу полегчало.

— Обращайся. Я же говорил, что мастер делать комплименты.

— Это я уже оценила. Если когда-нибудь надумаешь делать предложение своей будущей жене, обязательно начни речь с этого козыря. Пусть бедняжка сразу понимает, на что подписывается.

Федя снова тепло рассмеялся и подался чуть вперёд, заглядывая мне в глаза:

— Судя по твоей реакции, шансов у меня немного?

— Ну почему же. Главное — не начинать первое свидание с фразы «ты сегодня выглядишь как сумасшедшая». Девушки такие тонкие намёки обычно не ценят.

— Записал на подкорку, — он улыбнулся, но уже через секунду снова стал серьёзным. — И что ты думаешь делать со всем этим дальше, Ария?

— Понятия не имею, — честно вздохнула я, забирая со стола телефон. — Схожу к какой-нибудь потомственной га-

далке, наверное. Раз уж вокруг меня творится ненаучная чертовщина, пора обращаться к профильным специалистам.

— Только всю стипендию вперёд не отдавай, — с полуулыбкой предупредил Федя.

Глава 7

Домой я вернулась совершенно выжатой. Голова гудела как трансформаторная будка, словно внутри кто-то без остановки тасовал обрывки мыслей и никак не мог сложить из них целую картинку. Я сбросила рюкзак у кровати, переоделась в мягкие домашние штаны и безразмерную папину футболку, поставила чайник и, даже не притронувшись к ужину, открыла ноутбук.

На прикроватной тумбочке тускло чернел найденный в кустах камень. Я покосилась на него — никаких изменений, обычная гладкая галька с едва заметной царапиной. Зато слово, которое расшифровал Федя, застряло в голове как заноза.

«Междумирье».

Если честно, звучало оно совсем не обнадёживающе. Я открыла поисковую строку и вбила первое, что пришло на ум:

«Междумирье что это».

Первые пять ссылок вели на википедию какой-то корейской онлайн-игры. Следом вывалились старые форумы любителей фэнтези, где пользователи всерьёз спорили, водятся ли в лесах эльфы и как шагнуть в параллельный мир че-

рез шкаф или трюмо. Захлопнув пустую вкладку, я тяжело вздохнула:

— Ну спасибо, всемирная паутина...

Я пролистнула ниже и открыла неприметную статью на каком-то архивном эзотерическом сайте.

Вот тут уже было куда любопытнее.

Автор описывал Междумирье не как отдельную планету из сказок, а как тонкую прослойку между мирами — перекрёсток, где сходится мир живых и мир ушедших. Кто-то называл его энергетическим буфером, кто-то — изнанкой реальности. Писали, что время там течёт рывками, а само пространство гнётся и меняется в зависимости от человеческих мыслей и эмоций. Отдельным абзацем упоминались некие стражи Междумирья — сущности или древние хранители, которые не принадлежат ни живым, ни мёртвым и следят за тем, чтобы в границе между мирами не появлялось прорех.

Я машинально отхлебнула давно остывший чай.

— Прекрасно... Докатилась до чтения про потусторонних стражей.

Следующая статья разбирала связь Междумирья с астралом. В одних трактатах эти понятия считали синонимами, в других утверждали, что астрал — лишь самый верхний, пограничный слой. Но все авторы сходились в одном: чем глубже сознание спящего человека проваливается за эту грань, тем пластичнее становится мир вокруг. Мысли обретают плоть, а неконтролируемый страх притягивает из тем-

ноты голодных сущностей, которые питаются живыми выбросами.

У меня похолодели кончики пальцев. Перед глазами тут же встали мои ночные приступы в четыре утра, ледяное удушье и безмолвные тени, которые караулили меня на границе сна и яви. Что, если всё это время я не просто видела дурные сны, а невольно вываливалась на эту самую изнанку?

Я резко захлопнула крышку ноутбука. Посидела минуту в тишине, глядя на чёрный камень на тумбочке, и снова подняла экран. Пальцы сами выбили в строке новый запрос:

«Как осознанно попасть в Междумирье».

Половина сайтов тут же пообещала открыть мне третий глаз за три вебинара. Другая половина предлагала заказать заряженные тибетские амулеты со скидкой в пятьдесят процентов. Кто-то торговал курсами по астральным путешествиям, кто-то советовал дышать под звон поющих чаш.

Я уже потянулась к крестику в углу браузера, чтобы закрыть этот цирк, как боковой баннер на странице вдруг мигнул и обновился сам собой. Прямо под курсором мышки всплыло объявление в золотистой рамке:

«Елена Ясная. Потомственная ясновидящая. Чистка, снятие негатива, работа с родовой памятью. Помогу увидеть истинный путь».

Я скептически фыркнула:

— Ну разумеется. А пенсионерам и студентам — второй приворот в подарок.

Палец уже лёг на колёсико мыши, чтобы прокрутить страницу, но вдруг замер. Я кликнула по баннеру.

С главной страницы сайта на меня взирала дама лет пятидесяти пяти с начёсом лакированных волос, хищной алой помадой и таким количеством массивного золота на пальцах и шее, что его хватило бы на первый взнос по ипотеке. За её спиной, как по учебнику, горели восковые свечи, тускло блестел хрустальный шар и пылились бутафорские бархатные розы.

— Сама убедительность... — пробормотала я.

Внизу страницы был указан адрес приёма: старый спальный квартал на самой северо-восточной окраине города, почти у лесополосы. Я уже хотела закрыть вкладку, но взгляд случайно зацепился за последнюю строчку, выделенную курсивом над кнопкой записи:

«Если вас мучают приступы на грани сна, преследуют меняющиеся знаки и ощущение, что вас кто-то зовёт по ту сторону — не ждите, пока дверь распахнётся сама».

В комнате сразу стало очень тихо. Я перечитала строчку дважды. Слово в слово про меня. Будто эту рекламу написали специально для того, чтобы я наткнулась на неё сегодня ночью.

— Ладно... хуже мне от одного разговора точно не станет, — вслух сказала я самой себе и, прежде чем успела передумать, нажала на мигающую кнопку «Записаться на приём».

В тот момент я ещё понятия не имела, насколько сильно

ошибалась.

Глава 8

Нужный адрес находился на самой северо-восточной окраине города, в старой пятиэтажке у кромки лесополосы. Пока я тряслась туда через весь город на двух маршрутках, уже успела пожалеть о своей импульсивности. Подъезд встретил меня тяжёлым запахом сырости, дешёвого ладана и кошачьего корма. Лифта не было, поэтому пришлось подниматься пешком на четвёртый этаж, мысленно проклиная собственную идею довериться баннеру из интернета.

На облупленной двери красовалась начищенная до блеска латунная табличка:

«Елена Ясная. Потомственная ясновидящая».

Интересно, когда у гадалок появились официальные таблички как у нотариусов?

Ниже белела наклейка с номером телефона и изображением глаза в треугольнике.

— Уже страшно... — пробормотала я и нажала на кнопку звонка.

Дверь открылась почти мгновенно.

Передо мной стояла та самая дама с сайта — лет пятидесяти пяти, с залакированным начёсом, слишком алой помадой, массивными перстнями на каждом втором пальце и таким количеством бус на шее, что при каждом её вздохе они мелодично позвякивали.

Она окинула меня цепким оценивающим взглядом с ног до головы и широко улыбнулась:

— Проходи, деточка.

Квартира выглядела точь-в-точь как на рекламных фотографиях. Повсюду мерцали восковые свечи, на полках громоздились хрустальные шары, фарфоровые ангелочки мирно соседствовали с чёрными египетскими кошками, а из дешёвой колонки в углу тихо струилась медитативная музыка с журчанием ручья.

Пахло сухими травами.

Очень сильно, аж в горле першило.

— Сначала оплата, — деловито произнесла Елена, кивнув в сторону прикроватной тумбочки, где пристроился банковский терминал. — Потом посмотрим, что у тебя за беда.

Я молча приложила карту, не веря своим глазам: ясновидящие теперь и эквайринг подключают? Терминал бодро пискнул, и полторы тысячи рублей — ощутимый кусок моей студенческой стипендии — благополучно улетели в кассу.

— Замечательно. А теперь рассказывай, что тебя мучает.

Я уже открыла рот:

— Меня муча...

— Молчи! — Она театрально вскинула ладонь.

Я послушно захлопнула рот.

Елена прикрыла веки, несколько раз глубоко вдохнула через нос и принялась медленно водить ладонями в воздухе у меня перед лицом, будто ощупывала невидимый кокон.

Потом трагически ахнула:

— Ох...

Я терпеливо ждала диагноза.

— Я вижу... — Она выдержала мхатовскую паузу. — В тебе сидит бес.

Я часто моргнула:

— Простите... кто?

— Бес. — Она произнесла это с таким апломбом, словно зачитывала результаты анализа крови. — Очень сильный. Древний.

— Прямо сидит?

— Именно.

Я задумалась на секунду:

— А он хоть удобно там устроился?

Елена строго сдвинула брови:

— Не паясничай с такими вещами.

— Простите...

— Тебе нужна срочная чистка. Иначе последствия будут тяжёлыми.

— Какими именно?

— Разными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.